

ВЛИЯНИЕ СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ И ВИДА АЛКОГОЛЬНОГО НАПИТКА НА ОСОБЕННОСТИ УБИЙСТВА

А.В. Голенков, З.И. Зольников

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия

INFLUENCE OF THE ALCOHOL INTOXICATION AND TYPE OF ALCOHOLIC BEVERAGE ON THE FEATURES OF HOMICIDE

A.V. Golenkov, Z.I. Zolnikov

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Сведения об авторах:

Голенков Андрей Васильевич – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 7936-1466; Researcher ID: C-4806-2019; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Место работы и должность: заведующий кафедрой психиатрии, медицинской психологии и неврологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, ул. Пирогова, 6. Телефон: +7 (905) 197-35-25, электронный адрес: golenkovav@inbox.ru

Зольников Зот Иванович – кандидат медицинских наук, доцент (SPIN-код: 3471-5624; ORCID iD: 0000-0002-9331-8573). Место работы и должность: доцент кафедры педиатрии и детской хирургии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 15. Телефон: +7 (917) 665-02-85, электронный адрес: zolnikov1950@mail.ru

Information about the authors:

Golenkov Andrei Vasilievich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 7936-1466; Researcher ID: C-4806-2019; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Place of work and position: Head of the Department of Psychiatrics, Medical Psychology and Neurology, I.N. Ulyanov Chuvash State University. Address: 6 Pirogov Str, Cheboksary, Russia. Phone: +7 (905) 197-35-25, email: golenkovav@inbox.ru

Zolnikov Zot Ivanovich – PhD, Associate Professor (SPIN-code: 3471-5624; ORCID ID: 0000-0002-9331-8573). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Pediatrics and Pediatric Surgery, I.N. Ulyanov Chuvash State University. Address: 15 Moskovsky Prospect, Cheboksary, Russia. Phone: +7 (917) 665-02-85, email: zolnikov1950@mail.ru

Алкогольное опьянение тесно связано с убийствами. Особенности потребления алкоголя сильно различается в регионах России. Цель – изучение влияние состояния опьянения и вида алкогольных напитков на особенности убийств. *Материалы и методы.* Анализировались 485 убийств, совершённых 504 убийцами (мужчин – 406, женщин – 98) в Чувашии в 2011-2020 гг. и прошедших судебно-психиатрическую экспертизу в Республиканской психиатрической больнице г. Чебоксары. Возраст убийц колебался от 15 до 83 лет (средний возраст – 35,8±13,4 года). Учитывались клиничко-социальные и судебно-психиатрические показатели. Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики и χ^2 -распределения с помощью программы SPSS. *Результаты.* В состоянии алкогольного опьянения в момент совершения убийства находилось 82,9%, в том числе в лёгкой степени 12,2%, средней – 83,3%, тяжёлой – 4,5%. У женщин чаще наблюдалась лёгкая степень опьянения, у мужчин – средняя. В 94% случаев убийства совершались тремя способами: с помощью колюще-режущих предметов (61,3%), путём избияния («тупым предметом») (19,8%) и удушения (12,9%). Жертвами были знакомые люди (50%), супруги (22,8%), родственники (15,7%), незнакомые люди (6,3%) и дети (5,2%). Преимущественно крепкие алкогольные напитки (в основном водка) перед убийством употребляли 60,1% агрессоров, суррогаты алкоголя – 32,5%, только пиво – 5,5%, крепленное вино (портвейн) – 1,9%. Употребляющие крепкие алкогольные напитки и суррогаты чаще находились в средней и тяжелой степени опьянения, а пиво и вино – в лёгкой (100% их жертв находились в алкогольном опьянении). Среди употребляющих пиво было больше молодых и психически здоровых лиц, женщин и городских жителей. Употребляющие вино чаще проживали в сельской местности и страдали умственной отсталостью. Преступники, страдающие алкогольной зависимостью, по сравнению с другими группами убийц чаще находились в тяжёлой степени опьянения. Они чаще убивали своих знакомых путем удушения, которые сами находились в состоянии сильного опьянения. 73% находились в состоянии простого алкогольного опьянения; дисфорический

вариант наблюдался у 18,7% убийц, параноидный – у 3,4%, алкогольное опьянение с истерическими чертами – у 4,9%. Суррогаты алкоголя достоверно чаще сопровождалась дисфорической формой опьянения и опьянением с истерическими чертами, а приём пива и вина агрессорами реже приводили к изменённым картинам опьянения. Параноидная форма чаще наблюдалась у больных с алкогольной зависимостью, дисфорическая – при органических психических расстройствах (ПР) и коморбидных ПР, обычная форма опьянения – у психически здоровых испытуемых; опьянение с истерическими чертами достоверно чаще обнаруживалась у агрессоров с коморбидными ПР. В состоянии опьянения убийства достоверно чаще совершали больные алкоголизмом, умственной отсталостью и коморбидными ПР; трезвыми чаще оказывались больные шизофренией и психически здоровые люди. Группа преступников, совершивших убийства в состоянии опьянения, чаще имели наследственную отягощённость, криминальный опыт, неоднократные судимости (в т.ч. числе за убийства и тяжкие телесные повреждения со смертельным исходом); они чаще убивали своих знакомых. Агрессоры, находящиеся в трезвом состоянии при совершении убийств, чаще признавались невменяемыми, направлялись на стационарную СПЭ, совершали так называемые постгомицидные самоубийства, убивали отцов и детей, двух и более жертв. Среди трезвых убийц было больше несовершеннолетних и лиц, имеющих высшее образование. *Заключение.* Проведённое исследование подтвердило существенную роль алкогольного опьянения, его степени и формы, в совершении убийств, которая зависит от дозы выпитого алкоголя и вида (качества) напитка. На формирование насильственного поведения, закончившегося смертельным исходом, влияет наличие ПР и их структура, пол, возраст, криминальный опыт и органическая недостаточность головного мозга преступника. Жертвами убийств чаще всего являются знакомые агрессора (собутельники), которые в момент преступления зачастую также находятся в алкогольном опьянении, что увеличивает риск конфликта и его смертельного исхода.

Ключевые слова: алкогольное опьянение, степени и формы опьянения, алкогольные напитки, убийство, психические расстройства

Злоупотребление алкоголем тесно связано с криминальной агрессией и убийствами [1-4]. Глобальное исследование ВОЗ по алкоголю и здоровью 2016 г., бремени болезней 2017 г. (150 стран) показало, что увеличение на 10% цены на алкогольную продукцию приводит к снижению убийств на 18% (14% в странах с низким и средним уровнем дохода). Сокращение дней и часов продажи алкоголя, корректировка акцизов с учётом инфляции сопровождается сокращением убийств на 4-5% по всей выборке стран [5]. Особенно заметное снижение в первую очередь наблюдается при «домашних убийствах» (супруга, интимного партнера), во вторую – при других видах агрессии [6]. Положительные корреляции были получены между насильственными действиями со стороны интимного партнера и частотой употребления алкоголя, его объёмом (концентрацией алкоголя в крови) [7].

Исследования, проведённые в Западной Европе и Северной Америке, показали, что употребление разных видов алкогольных напитков может по-разному влиять на уровень убийств как внутри стран, так и в разных странах мира. Общее потребление алкоголя и водки, измеряемое продажами, было в значительной степени связано с уровнем убийств как мужчин, так и женщин: увеличение общего объёма продаж алкоголя на 1 л привело бы к увеличению уровня убийств мужчин на 5,9% и увеличению числа убийств женщин на 5,1%. Соответствующие показа-

Alcohol abuse is closely associated with criminal aggression and homicide [1-4]. The WHO Global Study on Alcohol and Health 2016, Burden of Disease 2017 (150 countries) found that a 10% increase in the price of alcohol resulted in an 18% reduction in homicides (14% in low- and middle-income countries). Reducing the days and hours of alcohol sales, adjusting excise taxes for inflation is accompanied by a reduction in murders by 4-5% across the entire sample of countries [5]. A particularly noticeable decrease is observed in the first place with “domestic murders” (spouse, intimate partner), and secondly with other types of aggression [6]. Positive correlations were obtained between violent actions by an intimate partner and the frequency of alcohol consumption, its volume (blood alcohol concentration) [7].

Studies conducted in Western Europe and North America have shown that the consumption of different types of alcoholic beverages can have different effects on homicide rates both within countries and around the world. The total consumption of alcohol and vodka, measured by sales, was significantly associated with the homicide rate of both men and women: a 1 liter increase in total alcohol sales would lead to a 5.9% increase in the homicide rate of men and an increase in the number of homicides of women by

тели для водки составили 16,4% и 14,3%. Потребление пива и вина не было связано с изменениями уровня убийств. Авторы сделали вывод, что потребление крепких спиртных напитков оказало особенно пагубное влияние на смертоносное насилие в России, по крайней мере, с 1970 г. по 2005 г. [8].

Анализ общих и гендерных уровней убийств с 1950 по 2003 гг. в зависимости от потребления алкоголя в целом, а также различных напитков, позволил сделать выводы: увеличение потребления на 1 л на душу населения сопровождалось 8-процентным увеличением общего количества убийств и убийств мужчин, и 6-процентным увеличением количества убийств женщин. Эффект был в основном обусловлен потреблением пива [9].

Хотя многие из этих исследований показали положительную корреляцию между общим объёмом продаж алкоголя, эффект, по-видимому, связан с особенностями потребления алкоголя в том или ином регионе мира. Так, в Восточной Европе эта закономерность наиболее сильна для крепких спиртных напитков, в Северной Европе эффект – для пива, а в Южной Европе – для вина [10]. Стереотипы потребления алкоголя могут меняться со временем с учётом культуры. Значение здесь имеет выбор предпочитаемого алкогольного напитка (водка и крепкие спиртные напитки в «северном стиле потребления алкоголя», вино – в «южном», пиво – в «центральноевропейском»), его регулярного потребления и степени использования. В последнее время страны с «северной моделью» потребления алкоголя сдвигаются к «центрально-европейской», а регионы с «центральноевропейской» – к «южной» [11]. Для России характерен высокий уровень общего потребления алкоголя, в основном преобладание крепких спиртных напитков (водка и самогон), особенно среди мужчин. С 2000-х годов до настоящего времени снижается продажа водки, стабилизируется потребление домашнего алкоголя (самогона) при значительном росте потребления пива. Однако переход России от «северного» («советского») стиля потребления алкоголя к «центральноевропейскому» пока произошёл не полностью (для соответствия модели доля потребления пива и вина должны ещё больше возрасти, а потребление крепких алкогольных напитков – сократиться) [12].

J. Landberg, T. Norström выявили, что увеличение потребления на 1 л чистого алкоголя приводит к увеличению убийств на 10%. В России 73% убийств обусловлено употреблением алкоголя, в США – 57% [13]. Показатели потребления алкоголя и количество

5.1%. The corresponding figures for vodka were 16.4% and 14.3%. Beer and wine consumption was not associated with changes in homicide rates. The authors concluded that the consumption of hard liquor had a particularly detrimental effect on lethal violence in Russia from at least 1970 to 2005 [8].

Analysis of overall and gendered homicide rates from 1950 to 2003 depending on the consumption of alcohol in general, as well as various drinks, led to the conclusions: an increase in consumption of 1 liter per capita was accompanied by an 8% increase in the total number of murders and murders of men, and a 6% increase in the number of murders of women. The effect was mainly due to beer consumption [9].

Although many of these studies have shown a positive correlation between total alcohol sales, the effect seems to be related to the patterns of alcohol consumption in a particular region of the world. Thus, in Eastern Europe, this pattern is strongest for strong alcoholic beverages, in Northern Europe, for beer, and in Southern Europe, for wine [10]. Alcohol consumption stereotypes can change over time in response to culture. What matters here is the choice of the preferred alcoholic beverage (vodka and spirits in the “northern style of drinking”, wine in the “southern style”, beer in the “Central European style”), its regular consumption and degree of use. Recently, countries with a “northern model” of alcohol consumption are shifting to “Central European”, and regions with a “Central European” – to the “southern” [11]. Russia is characterized by a high level of total alcohol consumption, mainly by the predominance of spirits (vodka and moonshine), especially among men. From the 2000s to the present, the sale of vodka has been declining, the consumption of home-made alcohol (moonshine) has stabilized, with a significant increase in beer consumption. However, Russia’s transition from the “northern” (“Soviet”) style of alcohol consumption to the “Central European” style has not yet completely taken place (to match the model, the share of beer and wine consumption should increase even more, and the consumption of strong alcoholic beverages should decrease) [12].

J. Landberg, T. Norström found that an increase in consumption of 1 liter of pure alcohol leads to a 10% increase in homicides. In Russia, 73% of murders are due to alcohol consumption, in the USA it is 57% [13]. Alcohol consumption and homicide

убийств сильно различаются в регионах России. Построенные логарифмические модели выявили, что увеличение потребления алкоголя в субъекте федерации на 1 л связано с увеличением количества убийств примерно на 0,25% [1].

Чувашия в 2015-2017 гг. по смертности от убийств занимало 40-62 место в России, по потреблению водки (7,7-8,2 л на душу населения в год) – 25-31 место, пива (40,2-42,3 л) – 57-62, вина (5,0-6,3 л) – 33-54, коньяка (0,4-0,5 л) – 61-63 и шампанского (0,5-0,7 л) – 71-77 место¹. Наше предыдущее эпидемиологическое исследование убийств в 1981-2010 гг. в Чувашии показало, что больные алкоголизмом в 2,2-18,5 раза чаще совершали такие преступления по сравнению с общей популяцией [14], и они же лидировали среди других групп психических расстройств (ПР) [15]. Однако особенности алкогольных напитков в связи с совершением убийств не анализировались. Выше представленный краткий обзор между тем показал определённые корреляции между этими показателями, отличающимися в разных регионах России [1, 2, 14, 16, 17].

Материалы и методы

Анализировались 485 убийств, совершённых 504 убийцами (мужчин – 406, женщин – 98) в Чувашии в 2011-2020 гг. и прошедших судебно-психиатрическую экспертизу (СПЭ) в Республиканской психиатрической больнице г. Чебоксары. Возраст убийц колебался от 15 до 83 лет (средний – 35,8±13,4 года). Критериями исключения из исследования было наркотическое опьянение преступника. Учитывались медико-социальные (пол агрессора, его возраст, уровень образования, семейное положение, перенесённые заболевания, наследственная психопатологическая отягощённость) и криминальные показатели (судимость преступника, совершённые убийства в прошлом, орудия агрессии, сокрытие, наличие соучастников, число жертв, самоубийство после убийства), а также пол, возраст и взаимоотношение жертв с агрессором, характер ПР и особенности случая.

Степени и виды опьянения у испытуемых квалифицировались по [18].

К группе убийц с употреблением крепких спиртных напитков относили лиц принимающих перед деликтом преимущественно водку (но без суррогатов алкоголя)², но иногда в сочетании с другими

rates vary greatly across regions of Russia. The constructed logarithmic models revealed that an increase in alcohol consumption in the subject of the federation by 1 liter is associated with an increase in the number of murders by about 0.25% [1].

Chuvashia in 2015-2017 in terms of mortality from murders, it ranked 40-62 in Russia, in terms of vodka consumption (7.7-8.2 liters per capita per year) – 25-31st place, beer (40.2-42.3 liters) – 57-62, wine (5.0-6.3 l) – 33-54, cognac (0.4-0.5 l) – 61-63 and champagne (0.5-0.7 l) – 71-77 place¹. Our previous epidemiological study of homicides in 1981-2010 in Chuvashia showed that alcoholics were 2.2-18.5 times more likely to commit such crimes compared to the general population [14], and they were also in the lead among other groups of mental disorders (MD) [15]. However, the characteristics of alcoholic beverages in connection with the commission of murders were not analyzed. The above brief review, meanwhile, showed certain correlations between these indicators, which differ in different regions of Russia [1, 2, 14, 16, 17].

Materials and methods

We analyzed 485 murders committed by 504 killers (406 men, 98 women) in Chuvashia in 2011-2020 and those who underwent a forensic psychiatric examination (FPE) at the Republican Psychiatric Hospital in Cheboksary. The age of the killers ranged from 15 to 83 years (mean age 35.8±13.4 years). The criteria for exclusion from the study was drug intoxication of the offender. We took into account medical and social indicators (aggressor's gender, age, level of education, marital status, past illnesses, hereditary psychopathological burden) and criminal indicators (conviction of the offender, murders committed in the past, instruments of aggression, concealment, the presence of accomplices, the number of victims, suicide after the murder), as well as the sex, age and relationship of the victims with the aggressor, the nature of the MD and the characteristics of the case. The degrees and types of intoxication in the subjects were classified according to [18].

The group of killers with the use of strong alcoholic beverages included persons who took mainly vodka before the delict (but

¹ <https://russia.duck.consulting/>

² Употребление агрессорами виски, коньяка, рома и др. крепких алкогольных напитков (с содержанием этилового спирта более 25-28%) встречались в единичных случаях / The use of whiskey, cognac, rum and other strong alcoholic beverages (with an ethyl alcohol content of more than 25-28%) by the aggressors occurred in isolated cases.

напитками (пиво, вино и др.), и к группе агрессоров с употреблением суррогатов – соответственно, принимающих спиртосодержащие жидкости (около 20 наименований, чаще всего дезинфицирующее средство для наружного применения «Асептолин» 70-90°) и самогон [19], к группе убийц с употреблением пива – принимающих только пиво перед деликтом и ничего больше из других алкогольных напитков и к группе агрессором с употреблением вина – только принимающих вино.

Математическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики (расчёт среднего значения – M , стандартного отклонения – SD) и χ^2 -распределения. Когда один или несколько показателей были ≤ 5 , использовали поправку Йейтса. Обработка осуществлялась с помощью программы SPSS.

Результаты исследования

В состоянии алкогольного опьянения в момент совершения убийства находилось 418 агрессоров (82,9%), в том числе в лёгкой степени 12,2%, средней – 83,3%, тяжёлой – 4,5%; различия между полами достоверны ($p < 0,007$). Как видно из табл. 1, у женщин чаще наблюдалась лёгкая степень опьянения (22,7% vs 9,9% у мужчин; $\chi^2 = 9,345$; $df = 1$; $p = 0,002$), у мужчин – средняя степень (85,7% vs 72,0% у женщин; $\chi^2 = 8,302$; $df = 1$; $p = 0,003$). В 94% случаев убийства совершались тремя способами: с помощью колюще-режущих предметов (61,3%), путём избиения («тупым предметом») (19,8%) и удушения (12,9%). Жертвами ($n = 504$) были знакомые люди (50%), супруги (22,8%), родственники (15,7%), незнакомые люди (6,3%) и дети (5,2%).

Преимущественно крепкие алкогольные напитки (в основном водка) перед убийством употребляли 60,1% агрессоров, суррогаты алкоголя – 32,5%, только пиво – 5,5%, крепленое вино (портвейн) – 1,9%. Связь их приёма со степенью опьянения убийц высоко достоверна ($\chi^2 = 59,736$; $df = 6$; $p < 0,001$). Употребляющие крепкие алкогольные напитки и суррогаты чаще находились в средней и тяжёлой степени опьянения, а пиво и вино – в лёгкой.

Среди употребляющих пиво было больше молодых лиц (средний возраст – $30,4 \pm 9,3$ года), женщин ($\chi^2 = 4,720$; $p = 0,029$), городских жителей ($\chi^2 = 8,047$; $p = 0,004$), агрессоров без ПР ($\chi^2 = 8,279$; $p = 0,004$); все их жертвы находились в алкогольном опьянении ($\chi^2 = 14,790$; $p < 0,001$). Употребляющие вино чаще проживали в сельской местности ($\chi^2 = 12,995$; $p = 0,004$) и страдали умственной отсталостью ($\chi^2 = 19,917$; $p < 0,001$). Все 100% жертв находились в алкогольном

without alcohol surrogates), but sometimes in combination with other drinks (beer, wine, etc.), to the group of aggressors with the use of surrogates – respectively, taking alcohol-containing liquids (about 20 items, most often the disinfectant for external use "Aseptolin" 70-90°) and moonshine [19], to the group of killers with beer consumption – taking only beer before the delict and nothing else from other alcoholic beverages and to the group of the aggressor with drinking wine – only those who take wine.

Mathematical and statistical processing was carried out using descriptive statistics (calculation of the mean value – M , standard deviation – SD) and χ^2 -distribution. When one or more scores were ≤ 5 , the Yates correction was used. Processing was carried out using the SPSS program.

Research results

418 aggressors (82.9%) were in a state of alcoholic intoxication at the time of the murder, including 12.2% in a mild degree, 83.3% in an average degree, and 4.5% in a severe degree; differences between the sexes are significant ($p < 0.007$). As can be seen from Table. 1, women were more likely to have a mild degree of intoxication (22.7% vs 9.9% in men; $\chi^2 = 9.345$; $p = 0.002$), in men – an average degree (85.7% vs 72.0% in women; $\chi^2 = 8.302$; $p = 0.003$). In 94% of cases, murders were committed in three ways: with the help of piercing objects (61.3%), by beating ("blunt object") (19.8%) and strangulation (12.9%). Victims ($n = 504$) were acquaintances (50%), spouses (22.8%), relatives (15.7%), strangers (6.3%) and children (5.2%).

Predominantly strong alcoholic beverages (mainly vodka) were used by 60.1% of the aggressors before the murder, alcohol surrogates – 32.5%, only beer – 5.5%, fortified wine (port wine) – 1.9%. The connection between their intake and the degree of intoxication of the killers is highly reliable ($\chi^2 = 59.736$; $p < 0.001$). Those who consumed strong alcoholic beverages and surrogates were more often in moderate and severe intoxication, and beer and wine were in light.

Among the beer drinkers there were more young people (average age – 30.4 ± 9.3 years), women ($\chi^2 = 4.720$; $df = 1$; $p = 0.029$), urban residents ($\chi^2 = 8.047$; $df = 1$; $p = 0.004$), aggressors without MD ($\chi^2 = 8.279$; $df = 1$; $p = 0.004$); all of their victims were intoxicated ($\chi^2 = 14.790$; $df = 1$; $p < 0.001$).

Wine drinkers more often lived in rural

опьянении ($\chi^2=9,753$; $p=0,020$) и зачастую выпивали вместе с агрессором ($\chi^2=9,856$; $p=0,019$).

Преступники, страдающие алкогольной зависимостью, по сравнению с другими группами убийц чаще находились в тяжёлой степени опьянения ($\chi^2=17,459$; $p<0,001$). Это, как правило, были многократно судимые личности ($\chi^2=18,546$; $p<0,001$). Они чаще убивали своих знакомых ($\chi^2=14,894$; $p<0,001$), которые сами находились в состоянии сильного опьянения ($\chi^2=5,678$; $p=0,017$).

Как видно из табл. 2, 73% находились в состоянии простого (неизменённого) алкогольного опьянения; дисфорический вариант наблюдался у 18,7% убийц, параноидный – у 3,4%, алкогольное опьянение с истерическими чертами – у 4,9%.

areas ($\chi^2=12.995$; $df=3$; $p=0.004$) and suffered from mental retardation ($\chi^2=19.917$; $df=3$; $p<0.001$). All 100% of the victims were intoxicated ($\chi^2=9.753$; $df=3$; $p=0.020$) and often drank with the aggressor ($\chi^2=9.856$; $df=3$; $p=0.019$).

Criminals suffering from alcohol addiction, compared with other groups of killers, were more often in a severe degree of intoxication ($\chi^2=17.459$; $df=3$; $p<0.001$). These, as a rule, were repeatedly convicted persons ($\chi^2=18.546$; $df=3$; $p<0.001$). They more often killed their acquaintances ($\chi^2=14.894$; $df=1$; $p<0.001$), who themselves were in a state of extreme intoxication ($\chi^2=5.678$; $df=1$; $p=0.017$).

Таблица / Table 1

Взаимосвязь степени алкогольного опьянения с клиническими, демографическими и криминологическими показателями убийств, % / Correlation between the degree of alcohol intoxication and clinical, demographic and criminological indicators of murders, %

Показатель Index	Степень опьянения / Degree of alcohol intoxication			χ^2 ; df	P
	лёгкая light	средняя average	тяжёлая heavy		
Мужчины / Men	9,9	85,7	4,4	9,720; 2	0,007
Женщины / Women	22,7	72,0	5,3		
Алкогольные напитки Alcoholic beverage					
Крепкие (преимущественно водка) Strong (mainly vodka)	13,9	80,5	5,6	59,736; 6	<0,001
Суррогаты алкоголя Alcohol surrogates	0,8	96,3	2,9		
Пиво Beer	43,5	52,2	4,3		
Креплённое вино Fortified wine*	62,5	37,5	–		
Психические расстройства Mental disorders					
Алкогольная зависимость Alcohol dependence	9,00	79,0	12,0	59,736; 6	<0,001
Прочие ПР Other mental disorders	12,3	85,9	1,8		
Психически здоровые Mentally healthy	15,3	81,6	3,1		
Криминологические показатели Criminological indicators					
Повторная судимость Repeated conviction	9,8	86,0	4,2	18,546; 1	<0,001
Удушение Suffocation	7,0	90,7	2,3	59,736; 6	<0,001
Алкогольное опьянение жертвы Alcohol intoxication of the victim	2,5	92,0	5,5	134,13; 1	<0,001
Знакомые люди среди жертв Familiar people among the victims	8,3	87,6	4,1	7,024; 1	0,029

Примечание: * В одном случае испытуемая употребляла перед деликтом сидр (1,5 л) / Note: *In one case, the subject used cider (1.5 l) before the delict.

Таблица / Table 2

Формы простого алкогольного опьянения среди групп убийц, %
Forms of simple alcohol intoxication among groups of murderers, %

Показатель Index	Формы опьянения / Forms of simple alcohol intoxication				χ^2 ; df	P
	Дисфорическая Dysphoric	Параноидная Paranoid	Истерическая Hysterical	Простая Simple		
Вид алкогольного напитка Alcoholic beverage						
Крепкие (преимущественно водка) Strong (mainly vodka)	4,8	4,4	1,7	89,1	92,160; 3	<0,001
Суррогаты алкоголя Alcohol surrogates	47,6	1,6	11,1	39,7	128,981; 3	<0,001
Пиво Beer	4,5	–	4,5	91,0	4,299; 3	НД
Крепленое вино Fortified wine	–	12,5	–	87,5	4,182; 3	НД
Психические расстройства Mental disorders						
Алкогольная зависимость Alcohol dependence	16,0	9,0	–	75,0	19,934	<0,001
Органическое ПР Organic mental disorders	32,6	2,3	7,0	58,1	2,195	НД
Личностные расстройства Personality disorders	0,50	0,30	1,45		4,577	НД
Умственная отсталость Mental retardation	–	–	–	100,0	3,135	НД
Коморбидные ПР Comorbid mental disorders	33,8	1,4	14,8	50,0	37,391	<0,001
Психически здоровые Mentally healthy	4,1	1,0	1,0	93,9	28,956	<0,001

Определённую роль при этом играл вид употребляемого алкогольного напитка ($\chi^2=132,27$; $df=9$; $p<0,001$). Суррогаты алкоголя достоверно чаще сопровождалась дисфорической формой опьянения ($\chi^2=92,169$; $p<0,001$) и опьянением с истерическими чертами ($\chi^2=15,309$; $df=3$; $p<0,001$), а приём пива и вина агрессорами реже приводили к изменённым картинам опьянения.

Выявлена также высоко достоверная закономерность между формой опьянения и отдельными группами ПР ($\chi^2=79,164$; $df=15$; $p<0,001$). Параноидная форма чаще наблюдалась у больных с алкогольной зависимостью (9% vs 1,4%; $\chi^2=13,155$; $df=1$; $p<0,001$), дисфорическая – при органических ПР (32,6% vs 18%; $\chi^2=6,166$; $df=1$; $p=0,013$) и коморбидных ПР (33,8% vs 15,1%; $\chi^2=13,814$; $df=1$; $p<0,001$), обычная форма опьянения – у психически здоровых испытуемых (93,9% vs 66,0%; $\chi^2=28,927$; $df=1$; $p<0,001$); опьянение с истерическими чертами достоверно чаще обнаруживалась у агрессоров с коморбидными ПР (14,9% vs 2,6%; $\chi^2=13,155$; $df=1$; $p<0,001$).

As can be seen from Table. 2, 73% were in a state of simple (unchanged) alcohol intoxication; dysphoric variant was observed in 18.7% of killers, paranoid – in 3.4%, alcohol intoxication with hysterical features – in 4.9%. A certain role was played by the type of alcoholic beverage consumed ($\chi^2=132.27$; $df=9$; $p<0.001$). Alcohol surrogates were significantly more often accompanied by a dysphoric form of intoxication ($\chi^2=92.169$; $p<0.001$) and intoxication with hysterical features ($\chi^2=15.309$; $df=3$; $p<0.001$), and the intake of beer and wine by aggressors less often led to altered patterns of intoxication.

A highly reliable pattern was also revealed between the form of intoxication and individual groups of MD ($\chi^2=79.164$; $df=15$; $p<0.001$). The paranoid form was more often observed in patients with alcohol addiction (9% vs 1.4%; $\chi^2=13.155$; $df=1$; $p<0.001$), the dysphoric form was observed in patients with organic MD (32.6% vs 18%;

Таблица / Table 3

Особенности убийств, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и трезвом состоянии / Features of murders committed while intoxicated and sober, %

Показатель Index	Алкогольное опьянение Alcohol intoxication	Трезвое состояние Sober state	χ^2 ; df=1	P
Психические расстройства Mental disorders				
Алкогольная зависимость Alcohol dependence	98,0	2,0	21,970	<0,001
Шизофрения Schizophrenia	43,8	56,3	37,076	<0,001
Умственная отсталость Mental retardation	100,0	–	4,332	0,037
Коморбидные ПР	95,2	4,8	11,848	<0,001
Психически здоровые Mentally healthy	71,0	29,0	19,086	<0,001
Криминологические показатели Criminological indicators				
Судимость Conviction	92,1	7,9	44,251	<0,001
Несколько судимостей Multiple convictions	92,3	7,7	22,332	<0,001
Убийство в прошлом Murder in the past	8,6	1,2	6,965	0,008
Состояние невменяемости State of insanity	7,7	24,4	21,299	<0,001
Стационарная СПЭ Stationary expertise	24,6	44,1	13,522	<0,001
Жертвы убийств Murder victims				
Отец (отчим, свёкр, тесть) Father (stepfather, father-in-law, father-in-law)	2,9	8,1	5,457	0,019
Знакомые Familiar	52,2	39,5	4,543	0,033
Дети (несовершеннолетние) Children (minors)	2,9	16,3	26,208	<0,001
Две и более жертвы Two or more victims	2,6	7,0	4,132	0,042

Как видно из табл. 3, в состоянии опьянения убийства достоверно чаще совершали больные алкоголизмом, умственной отсталостью и коморбидными ПР; трезвыми чаще оказывались больные шизофренией и психически здоровые люди.

Группа преступников, совершивших убийства в состоянии опьянения, чаще имели наследственную отягощённость (36,6% vs 24,4%; $\chi^2=4,684$; df=1; p=0,030), криминальный опыт, неоднократные судимости (в том числе за убийства и тяжкие телесные повреждения со смертельным исходом); они чаще убивали своих знакомых (табл. 3).

$\chi^2=6.166$; df=1; p=0.013) and comorbid MD (33.8% vs 15.1%; $\chi^2=13.814$; df=1; p<0.001), the usual form of intoxication – in mentally healthy subjects (93.9% vs 66.0%, $\chi^2=28.927$, df=1, p<0.001); intoxication with hysterical features was significantly more often found in aggressors with comorbid MD (14.9% vs 2.6%; $\chi^2=13.155$; df=1; p<0.001).

As can be seen from Table. 3, in a state of intoxication, murders were significantly more often committed by patients with alcoholism, mental retardation and comorbid PD; patients with schizophrenia and mentally healthy people were more sober.

Агрессоры, находящиеся в трезвом состоянии при совершении убийств, чаще признавались невиняемыми, направлялись на стационарную СПЭ, совершали так называемые постгомицидные самоубийства [20] (7,8% vs 1,2%; $\chi^2=11,957$; $df=1$; $p<0,001$), убивали отцов (отчимов, свекров, тестей) и детей (несовершеннолетних), двух и более жертв. Среди трезвых убийц было больше несовершеннолетних (4,7% vs 0,5%; $\chi^2=7,308$; $df=1$; $p=0,006$) и лиц имеющих высшее образование (12,8% vs 3,8%; $\chi^2=11,301$; $df=1$; $p<0,001$).

Обсуждение

Проведённое исследование подтвердило предпочтение в употреблении крепких спиртных напитков (водки и суррогатов алкоголя) среди убийц [16]. Неумеренное их употребление влияет на частоту и особенности этих преступлений против жизни окружающих людей [1, 8, 17].

Среди убийц наблюдается высокий уровень потребления крепкого алкогольных напитков и суррогатов алкоголя (92,6%), пиво и вино преступниками употребляется относительно редко (7,4% случаев), и то чаще молодыми людьми и женщинами. Этим самым подтверждается факт, что водка играет ведущую роль в совершении убийств в России [2, 21]. В момент совершения убийства более 81% агрессоров, как и в 1981-2010 гг. [14], находились в состоянии алкогольного опьянения средней и тяжёлой степени (87,8%), а у 27% наблюдались изменённые формы. Другими словами, для убийц в Чувашии очень характерна так называемая «российская модель потребления алкоголя» (преобладание в общей структуре потребления крепких напитков над слабоалкогольными; потребление больших разовых доз алкоголя; употребление суррогатов как дешёвого заменителя алкоголя и др.) [22]. Также прослеживаются и другие типичные черты структуры потребления алкоголя агрессорами, выявленные в населении России для первой декады нового столетия [23]. Это, прежде всего, высокая доля лиц, потребляющих алкоголь, в том числе его суррогаты, большинство которых находятся в возрасте 26-60 лет, низкий уровень образования и совместное потребление алкоголя семейными (интимными) парами. Указанные обстоятельства создают проблемы (способствуют повышению виктимности такого союза, семейной пары), которые зачатую завершаются убийством партнёра [6, 7, 10, 24].

Схожие закономерности уже описывались в отечественной литературе, посвящённой связи алкогольного фактора с криминальной агрессией,

The group of criminals who committed murders while intoxicated more often had a hereditary burden (36.6% vs 24.4%; $\chi^2=4.684$; $df=1$; $p=0.030$), criminal experience, repeated convictions (including for murders and grievous bodily injury with a fatal outcome); they killed their acquaintances more often (Table 3).

The aggressors who were in a sober state when committing murders were more often recognized as insane, sent to a stationary SPE, committed the so-called post-homicidal suicides [20] (7.8% vs 1.2%; $\chi^2=11.957$; $df=1$; $p<0.001$), killed fathers (stepfathers, fathers-in-law, father-in-law) and children (minors), two or more victims. Among the sober killers there were more minors (4.7% vs 0.5%; $\chi^2=7.308$; $df=1$; $p=0.006$) and people with higher education (12.8% vs 3.8%; $\chi^2=11.301$; $df=1$; $p<0.001$).

Discussion

The conducted study confirmed the preference in the use of strong alcoholic beverages (vodka and alcohol surrogates) among killers [16]. Their excessive use affects the frequency and characteristics of these crimes against the lives of people around [1, 8, 17].

Among murderers, there is a high level of consumption of strong alcoholic beverages and alcohol surrogates (92.6%), beer and wine are consumed by criminals relatively rarely (7.4% of cases), and even more often by young people and women. This confirms the fact that vodka plays a leading role in the commission of murders in Russia [2, 21]. At the time of the murder, more than 81% of the aggressors, as in 1981-2010 [14], were in a state of moderate and severe alcohol intoxication (87.8%), and 27% had altered forms. In other words, the so-called “Russian model of alcohol consumption” is very characteristic of murderers in Chuvashia (the predominance of strong drinks over low-alcohol drinks in the overall structure of consumption; consumption of large single doses of alcohol; use of surrogates as a cheap substitute for alcohol, etc.) [22]. There are also other typical features of the structure of alcohol consumption by aggressors, identified in the Russian population for the first decade of the new century [23]. This is, first of all, a high proportion of people who consume alcohol, including its surrogates, most of whom are aged 26-60 years, a low level of education and the joint consumption of alcohol by family (intimate) couples. These circumstances create problems (contribute to an increase in the victimization of such a union, a married couple), which conceived end in

только в качестве суррогатов алкоголя там фигурировал технический спирт («китайский спирт») [16]. У нас, как и 10 лет тому назад, среди суррогатов алкоголя фигурировали дезинфицирующие средства для наружного применения (Асептолин), др. аптечные настойки, косметические парфюмерные жидкости, нелегальный этиловый спирт и самогон [19]. Очевидно, что причиной их употребления убийцами в Чувашии являлась дешевизна и быстрое опьянение.

Очевидно, что суррогаты алкоголя способствовали развитию опьянения с истерическими проявлениями и дисфорическому варианту, особенно у лиц с органическими ПР, алкогольной зависимостью и коморбидными ПР [18].

Из обсуждаемых данных отчётливо видно влияние алкогольного опьянения на лиц с ПР и последующим их агрессивным поведением, что неоднократно описывалось в литературе [3, 4, 15, 25]. Кроме того, определённую роль играли богатый криминальный опыт самого агрессора и окружающих, сложившиеся негативные семейные стереотипы (наследственная отягощённость алкоголизмом, личностными расстройствами, суицидальным поведением) [14].

Из описанных групп особо выделяются больные шизофренией, которые чаще совершали убийство в трезвом состоянии [26], убивали двух и более жертв и признавались невменяемыми на СПЭ [27]. Вероятно, что психопатологические механизмы без влияния алкоголя участвовали в совершении убийств отцов [28, 29] и несовершеннолетних [30], постгомицидных самоубийств [20, 31].

Из ограничений нашего исследования все же следует отметить отсутствие показателей концентрации алкоголя в крови (моче) у агрессоров и их жертв, что в большинстве случаев является трудным для выполнения, особенно у преступников. Поэтому степени алкогольного опьянения квалифицировались нами по нарушениям (изменениям) психических, неврологических и вегетативных функций, считая их в соответствии с «...психопатологическим синдромом, структура которого зависит от дозы принятого алкоголя, времени, истекшего с момента его приёма, а также от биологических и психологических особенностей человека, подвергнувшегося интоксикации» [18].

Заключение

Проведённое исследование подтвердило существенную роль алкогольного опьянения, его степени и формы, в совершении убийств, которая зави-

the murder of a partner [6, 7, 10, 24].

Similar patterns have already been described in domestic literature on the relationship between the alcohol factor and criminal aggression, only technical alcohol (“Chinese alcohol”) appeared there as alcohol surrogates [16]. In our country, as well as 10 years ago, disinfectants for external use (Aseptolin), other pharmacy tinctures, cosmetic perfume liquids, unlicensed ethyl alcohol and moonshine appeared among alcohol surrogates [19]. Obviously, the reason for their use by murderers in Chuvashia was cheapness and rapid intoxication.

Obviously, alcohol surrogates contributed to the development of intoxication with hysterical manifestations and a dysphoric variant, especially in people with organic MD, alcohol addiction, and comorbid MD [18].

From the discussed data, the influence of alcohol intoxication on persons with MD and their subsequent aggressive behavior is clearly visible, which has been repeatedly described in the literature [3, 4, 15, 25]. In addition, a certain role was played by the rich criminal experience of the aggressor and those around him, the prevailing negative family stereotypes (hereditary burden of alcoholism, personality disorders, suicidal behavior) [14].

Of the described groups, patients with schizophrenia stand out, who more often committed murder while sober [26], killed two or more victims, and were recognized as insane on SPE [27]. It is likely that psychopathological mechanisms without the influence of alcohol were involved in the commission of murders of fathers [28, 29] and minors [30], post-homicidal suicides [20, 31].

Of the limitations of our study, however, it should be noted that there is no measurement of alcohol concentration in the blood (urine) of the aggressors and their victims, which in most cases is difficult to perform, especially for criminals. Therefore, we qualified the degrees of alcohol intoxication according to disorders (changes) in mental, neurological and vegetative functions, considering them in accordance with [18], “... a psychopathological syndrome, the structure of which depends on the dose of alcohol taken, the time elapsed from the moment of its intake, as well as on the biological and psychological characteristics of a person who has undergone intoxication” [18].

Conclusion

The study confirmed the significant role

сит от дозы выпитого алкоголя и вида (качества) напитка. Среди убийц в Чувашии до сих пор в целом преобладает «советская или водочная модель потребления алкоголя», так как основным напитком является водка, которая употребляется часто и в больших дозах. Относительно много ими потребляется суррогатов алкоголя (примерно треть в момент убийства), главным образом, за счёт дешевизны этих напитков. Любителей пива и вина среди убийц в нашей выборке было очень мало. Эти напитки, как правило, употребляются в сочетании с крепким алкоголем, иногда для «коррекции» абстинентного синдрома и при сопутствующих соматических заболеваниях.

На формирование насильственного поведения, закончившегося смертельным исходом, кроме алкогольного фактора, влияет наличие ПР и их структура, пол, возраст, криминальный опыт и органическая недостаточность головного мозга. Жертвами убийств чаще всего являются знакомые агрессора (собутельники), которые в момент преступления зачастую также находятся в алкогольном опьянении, что увеличивает риск возникновения конфликта и его смертельного исхода.

Литература / References:

- Pridemore W.A. Vodka and violence: alcohol consumption and homicide rates in Russia. *Am. J. Public Health.* 2002 Dec; 92 (12): 1921-1930. DOI: 10.2105/ajph.92.12.1921
- Pridemore W.A. Weekend effects on binge drinking and homicide: the social connection between alcohol and violence in Russia. *Addiction.* 2004 Aug; 99 (8): 1034-1041. DOI: 10.1111/j.1360-0443.2004.00762.x
- Mann R.E., Zalzman R.F., Smart R.G., Rush B.R., Suurvali H. Alcohol consumption, alcoholics anonymous membership, and homicide mortality rates in Ontario 1968 to 1991. *Alcohol Clin. Exp. Res.* 2006; 30 (10): 1743-1751. DOI: 10.1111/j.1530-0277.2006.00216.x
- Gajic Z., Milatovic J., Golubovic B., Dadasovic J., Ralevic S., Golubovic J. Sociodemographic and psychiatric characteristics among homicide offenders in Serbia – the province of Vojvodina (1996-2005). *Med. Pregl.* 2016; 69 (7-8): 224-229. DOI: 10.2298/mpns1608224g
- Trangenstein P.J., Peddireddy S.R., Cook W.K., Rossheim M.E., Monteiro M.G., Jernigan D.H. Alcohol Policy Scores and Alcohol-Attributable Homicide Rates in 150 Countries. *Am. J. Prev. Med.* 2021 Sep; 61 (3): 311-319. DOI: 10.1016/j.amepre.2021.03.020
- Lira M.C., Xuan Z., Coleman S.M., et al. Alcohol Policies and Alcohol Involvement in Intimate Partner Homicide in the U.S. *Am. J. Prev. Med.* 2019 Aug; 57 (2): 172-179. DOI: 10.1016/j.amepre.2019.02.027
- Cunradi C.B., Ponicki W.R., Alter H.J., Caetano R., Mair C., Lee J. Drinking Context-Specific Dose-Response Models of Intimate Partner Violence Among an Urban Emergency Department Sample. *J. Stud. Alcohol Drugs.* 2020; 81 (6): 780-789. DOI: 10.15288/jsad.2020.81.780
- Stickley A., Razvodovsky Y. The effects of beverage type on homicide rates in Russia, 1970-2005. *Drug Alcohol Rev.* 2012 May; 31 (3): 257-262. DOI: 10.1111/j.1465-3362.2011.00310.x
- Ramstedt M. Population drinking and homicide in Australia: a time series analysis of the period 1950-2003. *Drug Alcohol Rev.* 2011 Sep; 30 (5): 466-472. DOI: 10.1111/j.1465-3362.2011.00322.x
- Darke S. The toxicology of homicide offenders and victims: A review. *Drug Alcohol Rev.* 2010 Mar; 29 (2): 202-215. DOI: 10.1111/j.1465-3362.2009.00099.x
- Кондратенко В.А., Рощина Я.М. Можем ли мы объяснить различия в моделях потребления алкоголя: обзор теоретических подходов. *Экономическая социология.* 2021; 3 (22): 129-157. [Kondratenko V.A., Roshchina Ya.M. Can we explain differences in drinking patterns: A review of theoretical approaches. *Economic sociology.* 2021; 3 (22): 129-157.] (In Russ) DOI: 10.17323/1726-3247-2021-3-129-157
- Радаев В.В. Алкогольные циклы: динамика потребления алкоголя в советской и постсоветской России, 1980-2010-е годы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2022; 3 (169): 327-351. [Radaev V.V. Alcohol cycles: dynamics of alcohol consumption in Soviet and post-Soviet Russia, 1980-2010s. *Monitoring public opinion: economic and social changes.* 2022; 3 (169): 327-351.] (In Russ) DOI: 10.14515/monitoring.2022.3.2180
- Landberg J., Norström T. Alcohol and homicide in Russia and the United States: a comparative analysis. *J. Stud. Alcohol Drugs.* 2011 Sep; 72 (5): 723-730. DOI: 10.15288/jsad.2011.72.723
- Голеньков А.В. Эпидемиологические и судебно-психиатрические аспекты убийств, совершённых больными алкоголизмом, отягощённым коморбидными состояниями. *Наркология.* 2011; 10 (118): 30-35. [Golenkov A.V. Epidemiological and forensic psychiatric

- aspects of murders committed by patients with alcoholism aggravated by comorbid conditions. *Narcology*. 2011; 10 (118): 30-35.] (In Russ)
15. Golenkov A., Large M., Nielsens O., Tsymbalova A. Homicide and mental disorder in a region with a high homicide rate. *Asian J. Psychiatr.* 2016 Oct; 23: 87-92. DOI: 10.1016/j.ajp.2016.07.015
 16. Говорин Н.В., Сахаров А.В., Гаймоленко А.С. Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии. Чита, 2009; 184 с. [Govorin N.V., Sakharov A.V., Gaimolenko A.S. Alcohol factor in criminal aggression and autoaggression. Chita, 2009; 184 p.] (In Russ)
 17. Pridemore W.A., Eckhardt K. A Comparison of Victim, Offender, and Event Characteristics of Alcohol- and Non-Alcohol-Related Homicides. *J. Res. Crime Delinq.* 2008 Aug 1; 45 (3): 227-255. DOI: 10.1177/0022427808317986
 18. Наркология: национальное руководство / под ред. Н.Н. Иванца, И.П. Анохиной, М.А. Винниковой. М., 2008; 719 с. [Narcology: national guide / ed. N.N. Ivantsa, I.P. Anokhina, M.A. Vinnikova. Moscow, 2008; 719 p.] (In Russ)
 19. Голенков А.В., Козлов В.А., Мышкин Г.Ф., Михайлов И.В. Какие суррогаты алкоголя потребляет население? (по данным опроса больных алкоголизмом). Актуальные вопросы психиатрии. Мат. Республ. науч.-практ. конф., посвященной 70-летию со дня рождения к.м.н., доцента В.Т. Лekomтсева. Ижевск, 2013; 72-74. [Golenkov A.V., Kozlov V.A., Myshkin G.F., Mikhailov I.V. What surrogates of alcohol does the population consume? (according to a survey of patients with alcoholism). Current issues of psychiatry. Materials of the republican scientific and practical. Conf. dedicated to the 70th anniversary of the birth of Candidate of Medical Sciences, Associate Professor V.T. Lekomtseva. Izhevsk, 2013; 72-74.] (In Russ)
 20. Голенков А.В., Зотов П.Б. Постгомицидные самоубийства. Тюмень; Вектор Бук, 2022; 424 с. [Golenkov A.V., Zotov P.B. Post-homicidal suicides. Tyumen: Vector Book, 2022; 424 p.] ISBN 978-5-91409-563-2 (In Russ)
 21. Kerr W.C. More evidence that spirits can be more dangerous: Homicide in Russia and suicide in Japan. *Drug Alcohol Rev.* 2012 May; 31 (3): 249-250. DOI: 10.1111/j.1465-3362.2012.00458.x
 22. Вангородская С.А. Российская модель потребления алкоголя: особенности и влияние на смертность населения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право.* 2018; 43 (1): 28-36. [Vangorodskaya S.A. Russian model of alcohol consumption: features and impact on mortality. *Scientific statements of the Belgorod State University*. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2018; 43 (1): 28-36.] (In Russ) DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-28-36
 23. Рощина Я.М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России. Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: сб. науч. ст. [Электронный ресурс]. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2012; 2: 238-257. [Roshchina Ya.M. Dynamics and structure of alcohol consumption in modern Russia. Bulletin of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population NRU HSE: Sat. scientific Art. [Electronic resource]. Moscow: Nat. research University "Higher School of Economics", 2012; 2: 238-257.] (In Russ)
 24. Hedlund J., Ahlner J., Kristiansson M., Sturup J. A population-based study on toxicological findings in Swedish homicide victims and offenders from 2007 to 2009. *Forensic Sci. Int.* 2014 Nov; 244: 25-29. DOI: 10.1016/j.forsciint.2014.07.015
 25. Almomen Z.A., Alqahtani A.H., Alafghani L.A., et al. Homicide in relation to mental illness: stigma versus reality. *Cureus*. 2022 Dec 25; 14 (12): e32924. DOI: 10.7759/cureus.32924
 26. Солдаткин В.А., Бобков А.С., Крылов Н.В. Повторные убийства, совершаемые больными шизофренией. Синдром? Личность? Ситуация? *Девиянтология*. 2017; 1 (1): 3-13. [Soldatkin V.A., Bobkov A.S., Krylov N.V. Repeated murders committed by patients with schizophrenia. Syndrome? Personality? Situation? *Deviant Behavior (Russia)*. 2017; 1 (1): 3-13.] (In Russ)
 27. Golenkov A., Large M., Nielsens O., Tsymbalova A. Forty-year study of rates of homicide by people with schizophrenia and other homicides in the Chuvash Republic of the Russian Federation. *BJPsych Open*. 2022; 8 (1): A406. DOI: 10.1192/bjo.2021.1048
 28. Bojanić L., Flynn S., Gianatsi M., Kapur N., Appleby L., Shaw J. The typology of parricide and the role of mental illness: Data-driven approach. *Aggress Behav.* 2020 Nov; 46 (6): 516-522. DOI: 10.1002/ab.21906
 29. Miles C., Condry R., Windsor E. Parricide, mental illness, and parental proximity: the gendered contexts of parricide in England and Wales. *Violence Against Women*. 2023 Feb; 29 (2): 87-111. DOI: 10.1177/10778012221077127
 30. Putkonen H., Weizmann-Henelius G., Lindberg N., et al. Differences between homicide and filicide offenders; results of a nationwide register-based case-control study. *BMC Psychiatry*. 2009 May 29; 9: 27.
 31. Зотов П.Б., Спадерова Н.Н. Постгомицидные самоубийства в Тюменской области (Западная Сибирь) в 2008-2018 гг. *Девиянтология*. 2019; 3 (2): 52-58. [Zotov P.B., Spaderova N.N. Post-homicidal suicides in the Tyumen region (Western Siberia) in 2008-2018. *Deviant Behavior (Russia)*. 2019; 3 (2): 52-58.] (In Russ)

INFLUENCE OF THE ALCOHOL INTOXICATION AND TYPE OF ALCOHOLIC BEVERAGE ON THE FEATURES OF HOMICIDE

A.V. Golenkov, Z.I. Zolnikov

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; golenkovav@inbox.ru

Abstract:

Alcoholic intoxication is closely connected to homicide. Features of alcohol consumption vary greatly in the regions of Russia. *Aim of the article* – to study the influence of the state of intoxication and the type of alcoholic beverages on the characteristics of murders. *Materials and Methods*. We analyzed 485 murders committed by 504 killers (men – 406, women – 98) in Chuvashia in 2011-2020 and passed a forensic psychiatric examination in the Republican Psychiatric Hospital of Cheboksary. The age of the killers ranged from 15 to 83 years (mean age 35.8±13.4 years). Clinical-social and forensic-psychiatric indicators were taken into account. Mathematical

and statistical processing was carried out using descriptive statistics and χ^2 -distribution using the SPSS program. *Results.* 82.9% were in a state of alcoholic intoxication at the time of the murder, including 12.2% in a mild degree, 83.3% in an average degree, and 4.5% in a severe degree. In women, a mild degree of intoxication was more often observed, while in men it was medium. In 94% of cases, homicide were committed in three ways: with the help of piercing objects (61.3%), by beating ("blunt object") (19.8%) and strangulation (12.9%). The victims were acquaintances (50%), spouses (22.8%), relatives (15.7%), strangers (6.3%) and children (5.2%). Predominantly strong alcoholic beverages (mainly vodka) were used by 60.1% of the aggressors before the murder, alcohol surrogates – 32.5%, only beer – 5.5%, fortified wine (port wine) – 1.9%. Those who used strong alcoholic beverages and surrogates were more often in moderate and severe intoxication, and beer and wine were in light (100% of their victims were intoxicated). Among the beer drinkers there were more young and mentally healthy individuals, women and city dwellers. Wine drinkers were more likely to live in rural areas and suffer from mental retardation. Criminals suffering from alcohol addiction, compared with other groups of murderers, were more often in a severe degree of intoxication. They more often killed their acquaintances by strangulation, who themselves were in a state of extreme intoxication. 73% were in a state of simple alcohol intoxication; dysphoric variant was observed in 18.7% of killers, paranoid – in 3.4%, alcohol intoxication with hysterical features – in 4.9%. Alcohol surrogates were significantly more often accompanied by a dysphoric form of intoxication and intoxication with hysterical features, and the use of beer and wine by aggressors less often led to altered patterns of intoxication. The paranoid form was more often observed in patients with alcohol dependence, the dysphoric form - in organic mental disorders (MD) and comorbid MD, the usual form of intoxication – in mentally healthy subjects; intoxication with hysterical traits was significantly more often found in aggressors with comorbid MD. In a state of intoxication, murders were significantly more often committed by patients with alcoholism, mental retardation, and comorbid MD; patients with schizophrenia and mentally healthy people were more sober. The group of criminals who committed murders while intoxicated more often had a hereditary burden, criminal experience, repeated convictions (including for murders and grievous bodily injuries with a fatal outcome); they killed their acquaintances more often. The aggressors, who were in a sober state when committing murders, were more often recognized as insane, sent to a stationary examination, committed so-called post-homicidal suicides, killed fathers and children, and killed two or more victims. Among the sober killers were more minors and people with higher education. *Conclusion.* The study confirmed the significant role of alcohol intoxication, its degree and form, in the commission of murders, which depends on the dose of alcohol consumed and the type (quality) of the drink. The formation of violent behavior that ended in death is influenced by the presence of MD and their structure, gender, age, criminal experience and organic brain deficiency of the offender. The victims of murders are most often acquaintances of the aggressor (drinking buddies), who at the time of the crime are often also intoxicated, which increases the risk of conflict and its fatal outcome.

Key words: alcohol intoxication, degrees and forms of intoxication, alcoholic beverages, homicide (murder), mental disorders

Вклад авторов:

A.B. Golenkov: разработка дизайна исследования, написание текста рукописи, редактирование текста рукописи;
Z.I. Zolnikov: написание текста рукописи, обзор и перевод публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

A.V. Golenkov: developing the research design, article writing; article editing;
Z.I. Zolnikov: article writing; reviewing and translating relevant publications.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 27.03.2023. Принята к публикации / Accepted for publication: 13.05.2023.

Для цитирования: Голенков А.В., Зольников З.И. Влияние состояния опьянения и алкогольного напитка на особенности убийства. *Суцидология.* 2023; 14 (2): 104-116. doi.org/10.32878/suiciderus.23-13-02(51)-104-116

For citation: Golenkov A.V., Zolnikov Z.I. Influence of the alcohol intoxication and type of alcoholic beverage on the features of homicide. *Suicidology.* 2023; 14 (2): 104-116. (In Russ / Engl) doi.org/10.32878/suiciderus.23-13-02(51)-104-116